В жарком июне пик нашего короткого лета – блестящая от молодости трава, горячий воздух, быстрые грозы, после которых земля парит под высоким солнцем. Борщевик и лопухи на обочинах дорог поднимаются выше человеческого роста, в ушах стоит неумолкаемый птичий гул. Ещё немного и начались бы субтропики, но нет, скоро день пойдет на убыль, ночи станут длиннее, к солнцу и теплу будем летать за тридевять земель.

Ближайшую городскую улицу закрыли на ремонт, автомобильный трафик пустили в объезд: в клубах пыли по щебенистым рытвинам и ухабам пригорода ползет бесконечная череда машин. В такой день лучше уехать из моего пыльного городка, но в Туле тоже смог, автомобильная толчея, раскаленный асфальт.

Легче всего дышится в одоевской стороне. Чуть отъедешь сюда, многое меняется на глазах – состав почвы, растения, воздух. Здесь нет заводов и больших торговых центров, гудящих автомобилями федеральных дорог, многоэтажных домов, ресторанов, тюрем и лагерей, шахтных терриконов, железнодорожных переездов, суеты, промышленных свалок... Глина под ногами переходит в известняк и песок, вдоль дорог появляются сосны и ели, но главное – почему-то именно рядом с Одоевом, Белевом и Козельском рассыпаны монастыри, без которых русская жизнь почти невозможна: Жабынь, Анастасов, Оптина Пустынь, Шамордино, Клыково... Россия сама по себе – громадный северный монастырь, в котором удобно лишь в послушании Богу, ведь существует много стран, где теплее, уютнее, спокойнее и сытнее. В России хорошо жить, если любишь её.

Многие наши здешние земли в советское время были отмечены 201-м километром от Москвы. На строительство шахт, заводов, шахтерских поселков присылали много зеков и ссыльных, чьим бесплатным трудом возводили советскую промышленность, которую в 90-х приватизировали олигархи. Тут и там выстроили тюремные зоны и лагеря, местные жители работают здесь охранниками. Со временем образовалась околотюремная субкультура, зека-вертухайская жизнь, которую сейчас размыло беженцами из когда-то союзных республик – Украины, Армении, Казахстана, Киргизии, Азербайджана. Носители тюремной культуры во множестве переселились на кладбище, не смогли приспособиться к быстро меняющейся «фраерской» жизни. «Понятия» устарели, воры в законе погибли, сломались, начали сотрудничать с государством или превратились в правильных бизнесменов. Мир перемешан деньгами, войнами, товарными и транспортными потоками, людей бросает в них, будто песчинки в горной реке – одни всплывают, другие оседают на дно... Иногда мне тоже хочется лечь на дно, прижаться к другим песчинкам, чтобы ощутить себя частью стержневого народа. Благодаря этому стержню только и держимся. Одоев сейчас – такое дно, в хорошем смысле этого слова.

Всегда, когда едешь мимо, завороженно оглядываешься на редкой архитектуры храм в селе Жемчужниково. Нижний его придел посвящен

Илье Пророку, оттого и село называлось раньше Ильинское-Жемчужниково. Местные помещики Колычев и Лихарев, жившие в начале XIX века, расстарались – построили храм в виде ротонды. Приход в те времена здесь набирался изрядный – 1500 человек из шести деревень вдоль Упы и старой дороги, связывающей Крапивну и Одоев, которые раньше были видными уездными городами. В 1848 году на средства графа Волконского к храму пристроили каменную колокольню, в 1857 году открыли верхний придел, посвященный Великомученице Надежде. Попечение над храмом передавали из рук в руки сильные русские люди, традиция эта не угасла – храм в Жемчужникове сейчас восстанавливает потомок знаменитого в областном центре санитарного врача Белоусова, в честь которого назван парк в Туле. Члены этой семьи служили Родине священниками, учеными, купцами, врачами – сильный улей, хорошая порода русских пчел, не растерявших жизненной силы, исторической памяти.

В советское время в Жемчужникове, как водится, был совхоз «Жемчужина», в храме располагалась совхозная столовая. Помню, вокруг растекался густой запах борща и компота, у открытых дверей церкви стояли механизаторы и доярки. Стены храма-столовой какой-то художник расписал советскими фресками с уклоном в «народность», русские сказки – хороводы-березки; гуси-лебеди несущие светловолосого мальчика; выходящие из моря тридцать три богатыря в блестящих кольчугах; Илья Муромец сидит на лошади, грозно глядя куда-то из-под боевой рукавицы; огромный серый волк с маленьким царевичем на загривке...

Думалось тогда, что этому храму очень повезло. Рядом в селе Павловском церковь удивительной архитектуры, построенная Воейковым, в советское время была разрушена, гробницы вскрыты и ограблены, кости Воейковых выброшены в кусты... А здесь столовая, все же не общественный туалет, не коровник или свинарник. Храм продолжал служить людям, его ремонтировали, подновляли, да и оратари-плугари не последние люди на земле. Думалось, пусть хоть трапезничают, если ума не хватает использовать храм по прямому назначению. Но в конце прошлого века совхоз развалился, в храме вконец одичавшие люди начали устраивать питейное заведение: одуревшие от безбожия русские плясали здесь ночами напролет, сделав туалет под церковной лестницей. Но плясали и пили недолго, безвременье закончилось, унеся в могилу не успевших протрезветь, понемногу начала выстраиваться новая русская жизнь. Оказалось, для пахоты земли сейчас не нужен целый колхоз, с этим справляются три-четыре фермерские семьи, оснащенные современной техникой. Остальные селяне теперь ездят на работу в город, огородами заняты старики и женщины, у которых малые дети.

Всё меняется. Нет смысла, наверное, заламывать руки и посыпать голову пеплом, этим делу не поможешь... Только есть ли у нас это дело и какое оно? Для чего живет Россия? Просто растет, а временами усыхает, как трава и деревья, или существует для что-то более важного? Есть ли у нас будущее? Богатеть, растить здоровых детей, думать о вечном – может, в этом и есть наше предназначение, а формы жизни могут быть разными?

Но тогда поосторожнее надо с экспериментами! Разрушить легко, построить сложно. В соседнем Павловском до революции было цветущее село, громадная помещичья усадьба, церковно-приходская школа, конезавод – ничего не осталось. Всё «отняли и поделили». Лучше стало? Вырастили нового человека? Нет, душа человеческая плохо поддается переделке. Люди по прежнему хотят иметь собственность, стараются выделиться на этом пути, мечтают о деньгах, славе, власти, стремятся наверх, исподволь толкая этим вперед всё общество. Неисправим человек, но и вера в Бога неискоренима. Советская борьба с церковью была особенно страшной потому, что не имела смысла в своей безнадежности. Нашлось много русских, которые стреляли в иконы, в Туле

одно время иконами даже вымостили мост, чтобы люди попирали святые образа ногами, но все бесполезно – заставить людей забыть Бога не удалось. Комиссары и простодушные злодеи из народа зря стреляли в помещика и барина, через поколение в барчуков превратились их собственные внуки. Взять хотя бы Аркадия Гайдара – внук писателя Егор Тимурович внешне и внутренне превратился в Мальчиша-Плохиша из книжки деда, променял родину на буржуинскую банку варенья и мешок печенья. Того самого печенья, что раздавали затем на украинском Майдане. Кроме страха, похоже, не создали для народа никакой духовной скрепы, ведь наши лидеры не смогли удержать от предательства даже своих детей! Дочь Сталина, сын и внуки Хрущева, потомки Андропова, Горбачева, Ельцина – все уехали за границу. Советский режим сразу же рухнул, как только убрали страх и насилие, цементирующие советскую систему. Рай на земле, который коммунисты самонадеянно строили, оказался недостижимым. На этом пути повредились многие, но в целом, как общность, русские нашли в себе силы подняться после страшного падения 90-х.

Мы сберегли свою цивилизацию после чудовищного поражения, выстояли на краю, ведь нам при Ельцине уже грозила судьба вавилонян, ассирийцев, древних египтян, мидийцев, кхмеров, этрусков, ацтеков и майя... Спасибо талантливой молодежи – тем, кто в безнадежные девяностые уехал на запад. Спасибо сельским бабам и мужикам, которые продолжали пахать нашу землю на свой страх и риск, иногда даже себе в ущерб. Спасибо нашим рабочим, врачам, учителям, медсестрам, которые ходили на работу в девяностые почти без зарплаты. Спасибо тем русским писателям, которые двадцать лет выпускали свои книги без гонораров, не скатившись в ернический модернизм, дешевое развлекательство, пошлость, русофобию и порнографию. Спасибо нашим спортсменам, которые продолжали защищать российский флаг. Спасибо военным, ученым, конструкторам, разведчикам, государственным деятелям, которые не предали Родину, не опустили рук, не сбежали за границу с деньгами, военными секретами. Спасибо священникам, прихожанам и благодетелям церквей, которые вкладывали силы, время и деньги не в публичные дома, банки, ночные клубы, сауны, рестораны и водочные магазины, а в храмы и монастыри. Спасибо матерям, которые продолжали рожать детей, хотя иногда их кормить было нечем. Спасибо, родные, мы помним вас всех! Ваш тихий подвиг сопротивления войдет в российскую историю героической страницей, благодаря вам наша страна сохранилась и продолжает оставаться одной из самых сильных на планете. Одним своим присутствием Россия удерживает многие народы и страны от падения и гибели – алавитов, христиан Египта, Сирии, Ливана, персов, сербов, палестинцев... В некотором смысле Россия сохраняет установленный Богом планетарный порядок, без которого человечество давно было бы уничтожено, как окончательно заблудшее.

Россия тяжело переболела государственным атеизмом и коммунистическими бреднями. Вымерло много порченых и тех, для кого страдания выздоровления оказались чрезмерными. Русского народа сильно убыло на земле, но теперь мы понемногу выбираемся из страшной ямы. У нас укрепляется армия, восстанавливаются производства, снова распахана земля, рождается больше детей. Смотришь на их головки в сельском храме, когда малыши стоят в очереди к причастию, и душа радуется: вот он твой народ, твои дети. Эти уже не уедут, не бросят Россию, будут сражаться за нее хотя бы потому, что на российской земле стоят дорогие нам храмы и монастыри. Кто-то же должен их защищать!

Россия – земля веры: православия и традиционного ислама. Ваххабитам и сектантам здесь не место. Россия сохраняет чистоту настоящей веры, европейские Содом и Гоморра, саудовский ваххабизм, американский протестантизм всегда будут бороться с нами ещё и поэтому. Русским надо понять, выбор у нас очень скудный: православие или смерть.

Православное самосознание, история, культура и язык – главное, что нас объединяет. Экономика вторична. Хорошо, что стало больше женщин и детей в храмах, жаль, мужичков маловато. Русский мужчина как озаботился обогачиванием в 90-х, так в большинстве своем всё не может выйти из этого состояния. У многих есть уже богатые дома и роскошные квартиры, деревенские дачи, по две-три машины на семью – казалось бы, хватит, но для души времени никак не найдется. Баня, рыбалка, охота, путешествия, друзья, машины, красивые женщины… Только вот одним телом не выжить. Первичен дух, а не материя, тут Маркс, Ленин и Сталин ошибались, поэтому СССР и распался. Мир живет по духовным законам, без знания которых человек безоружен и беззащитен.

А храму в Жемчужникове в новом веке снова повезло – кроме благотворителя, еще и священник выискался, который обещает вырасти в уникальное для округи духовное явление. Молодые страсти его скоро отпадут, Господь поправит лезвие души на оселке болезней, останется энергия неравнодушия, редкий талант любви к Богу и людям. Он монах, а в монашестве что-то непостижимое, сокровенное. Когда священник отягощен семьей, ходит в храм как на работу, обрастает детьми, женой, тещей, квартирой, машиной, дачей – от житейской обремененности он иногда становится духовно одышливым, сытым, благополучным, спокойным. А православие, да и вообще осмысленная жизнь, возможны только в ежедневной борьбе со своей животной природой, темной стороной человека и мира. Когда эта борьба ведется всерьез – человек уязвлен, весь в невидимых духовных ранах, которые чувствуешь. Если этого нет, человек дезертировал с вечной войны, душа его постепенно мертвеет, лучше отойти подальше. А монах из Жемчужникова живой, короста благополучия с него раз за разом слетает, душа у него непричесанная, по-детски искренняя. На житейском уровне эта искренность часто вредит ему.

– Ходят в церковь как в клуб, людей посмотреть и себя показать! – вскрикивает батюшка прямо посреди службы, откликаясь мыслям своим. – Хотят удобного, легкого Православия! Раньше было по-другому! Люди многим жертвовали ради возможности прийти в храм! А сейчас многие идут потому, что сюда ветер дует! Подул государственный ветер в сторону храма, и нанесло много мусора! Повернет ветер в другую сторону, и эти люди опять начнут рушить церкви!

Смотрю на него и думаю, как бы опять жалобу не накатали! Ведь в каждом приходе есть свой стукач! Этого батюшку в Гражданскую войну точно бы расстреляли. Почему-то именно Гражданская война для меня – оселок и точка отсчета. Не революция, а именно Гражданская война. Увидев человека, представляю, что бы он делал тогда? Великая Отечественная война в 1945-м закончилась, а та, что началась в 1918-м, не окончится ещё долго. Красные и белые продолжают сражаться в нашей душе, спор не разрешен! Стоило прокурору Крыма Наталье Поклонской выйти 9 мая в ряды «Бессмертного полка» с иконой царя Николая, как на неё тут же набросились. Нет уже прежнего обездоленного пролетариата и темного крестьянства, буржуазность залила всю Россию – как масляное пятно. Нынешние комиссары сами насквозь буржуазны, а кровавый спор в душе продолжается. Что лучше – социализм или капитализм? Интеллигенция в России – жалкая прослойка общества («говно, а не мозг нации», по выражению Ленина) или национальная элита? Религия – «опиум для народа», или необходимая основа народного самосознания? У каждого из нас в этой войне своя сторона. Голосуют и сражаются не только мыслями, словами, но и кошельком, ногами, маткой. Вывозят деньги за границу, показывая чужой для них «этой стране» кукиш в кармане. Многие женщины хотят замуж за иностранца, отказываются рожать для России. Некоторые из образованных буквально ненавидят Россию «за грязь, хамство, неустроенность, всесилие ментов и чиновников», мечтая уехать… Потомки аристократов, внуки Ильи Львовича Толстого, например, или

Николай Геннадьевич Лермонтов, рискуя жизнью, возвратились на родину, а дети пролетариев, чьи предки радовались революции, теперь мечтают от родины сбежать! Что-то не сложилось в советском проекте. Целая страна – Украина – пытается выломиться из русского мира! Выстрелы, минометные разрывы и кровь на Донбассе – прямое следствие Гражданской войны. Большую часть территорий восточной Украины подчинили Киеву именно тогда – например Слобожанщину и Новороссию, которые веками были связаны с Москвой теснее, нежели с Киевом. А земли западной Украины веками принадлежали Польше, Венгрии. Теперь на Донбассе будто воскресли вековой давности персонажи – зеленые и «жовто-блакитные» самостийщики, анархисты, наследники Петлюры, Махно…

Что интересно, потомки разномастных расстрельщиков прошлого века стали западниками, либералами, но мыслительные стереотипы у них остались прежними, при всей внешней демократичности: «Ну, погибнет миллионов десять… Мамки ещё нарожают…». Людей им совершенно не жаль!

Увы, никакая идеология не спасает человечество от приступов ненависти и людоедства. Ни коммунистическая идея, ни либеральная. Даже великое христианство в средние века имело следствием инквизицию и жестокие религиозные войны. Нельзя полагаться на идеологию, нужно жить сердцем, выращивая в сердце любовь, выпалывая семена ненависти. Даже христианство благо – лишь когда Христос живет в добром сердце, а не используется в качестве детали государственной машины чиновниками. Хорошо, что Церковь у нас отделена от государства, иначе именем Христа снова начнут казнить и запирать в тюрьмы.

Гудит мир дырявой трансформаторной будкой, ветер свищет в ней, выдувая доброту и тепло. В русском мире случился новый Чернобыль, теперь духовный: кукловодам удалось стравить русских и украинцев. Иногда хочется, чтобы началось какое-то планетарное бедствие, может, наши народы хотя бы тогда забудут свою распрю и кинутся друг другу в объятья ради утешения и помощи? Если ж нет – планета и вправду больна человечеством! И пора уже, может быть, ограничить наше самоуправство большим вулканом или каким-то ещё бедствием, чтобы мы не уничтожили себя своей ненавистью.

– Почему мы так живем? – снова вскрикивает батюшка.

Мы все виноваты и я тоже. Бывал равнодушен, ленив, часто надолго запирался в литературной келье, забыв о людях. Не берегся от греха, ударил этим кого-то доверчивого, кто смотрел на тебя как на взрослого, зрелого писателя. Удивительно чистые души есть в народной сердцевине, вот их нельзя предавать, как детей, любящих тебя…

Бьется крупный овод в оконное стекло церкви, за ним открывается вид на высокий дальний берег Упы, засечные леса, село Павловское.

– Что случилось с нашим народом? – кричит монах. – Почему мусульманские мужики все как один идут по выходным в мечеть, да еще ноги перед ней моют, а наши во время литургии пьют пиво!?

Нужно ехать домой. Литургия закончилась, прихожане скоро усядутся трапезничать, батюшка их специально за одним столом собирает, чтобы создать хотя бы маленькую общину. Старается помогать тем, кто болеет, поддерживает споткнувшихся. Сердце у него доброе, есть в нём любовь к людям – это главное в русском православии. Обрядовая сторона тоже важна, но если нет любви – никакие обряды не помогут. Только вот где взять любовь, если нет ее в душе? Можно ли ее вырастить? Это великая тайна и сложнейшее искусство – растить любовь, бороться с ненавистью. Вот о чем нужно думать обществу, вот чему нужно учить в университетах.

Несется машина к Туле, мелькает по сторонам голубая от солнца хвоя молодых сосен. Хорошо бы остановиться на полчаса возле обочины, пой-

ти в луга, провести рукой по тугим колосьям вызревающего ячменя. В цветущей траве мотыльки и кузнечики брызнут в разные стороны, запахнет свежескошенным сеном... Но времени мало, только оглянешься на эту роскошь в тоске, с надеждой вернуться.

Когда-то хотел купить здесь домик, но решил, что не надо. Ничего душе не надо, кроме дороги, леса, реки, сельского храма, мимолетного свидания с монахом, которого никогда больше не увидишь и никогда не забудешь. Жизнь скоротечна, телу скоро умирать, для души же собственность – тюрьма. Нужна свобода и хоть немного времени, чтобы почаще видеть Россию. Ах, как хороша наша сельская родина! Сдержанная тихая скромница, но так сильна, что не сломалась под целым веком революций, войн, перестроек и переделок. Нашим краям ещё повезло – рек мало, нечего поворачивать и запруживать. В других местах затопленные колокольни жутко торчат из воды, зияют адовыми дырами изгаженные человеком нефтяные и газовые поля, дымятся бескрайние свалки. В наших краях нет уже былой роскоши богатых поместий, все порушено и разобрано, беспокоиться новым пролетариям нечего. После революций и перестроек здесь очень бедно – особняки москвичей не в счет, их здесь не так много – бедность защищает эти места лучше оружия. В здешних сирых краях мало чужих, все родное и теплое, тут легко верить в Бога и не страшно умирать. После смерти превратишься в травинку, цветок, полевую ромашку, которую вскоре сорвет детская рука, чтобы подарить маме. Добрая русская мамочка с наслаждением вдохнет твой цветочный запах, и жизнь будет продолжаться бесконечно.

2016